

Образы столпников. О мистическом наполнении изображаемого

Образы столпников... образы насыщения Богом – человека, образ человека – насыщающегося Богом, приходящего к Богу и усыновляемого Богом. Образ преображающейся природы человека... образ природы, наполняемой Христом, природы, впитывающей Христа в человеческое естество. Образ несказанного, непередаваемого, того, что мне может быть выражено по существу, ибо в сущности имеет примешивание иной, невыразимой природы, Бого-воплощения в человека, вхождения Бога во все составы, во утробу, в сердце человеческое. Образ причастности человека Божественному свету и Божественному естеству по Божией благодати, по благоутробию Господа, распространяющему преизбыток Своей Любви на человека, стяжающего этот преизбыток и жаждущего, и ждущего – принять своего Творца. Образ - неизобразимого Бога, проникшего в из-ображаемого человека... Такова символическая и духо-водствующая наполненность из-ображения святых столпников.

Возможно ли практически, как... и о-существимо ли о-Божение, вос-приятие человеческим естеством – Бога, про-никновение Бога в человеческое естество... могут ли быть целесообразными – со-образными Цели – Первообразу человеческие движения – подвижнические усилия... если Бог не может быть понуждаем, - не принудить никак и ничем Того, Кто заповедал стучаться, да отворит Сам. Воля Хозяина отворить, либо медлить... Воля движущегося – оставаться в недвижимости, ждать, жаждать, изнывая - воля и толкать с усилием эту дверь, понимая, что никак не принудить... Лишь известить о желании встречи, об алчбе несносной в отъединённости, оставленности... о недостойности и уповании... Ужели действительно всяческий деятельный акт допустим лишь с «той» стороны, желанной к усвоению... лишь изнутри Дома Господнего отворяется дверь спасительного Ковчега, лишь Самому Логосу – возможно по Его великой и преизобильной милости, по точёному высказыванию Максима Исповедника – присоединить к Себе, не смешиваясь с тварью. Требуется ли приобщающему Логосу – посредник в этом при-соединении... - образ? Отвергнем ли мы – образ посредствующий, уготавливающий нас, со-средо-точивающий наше естество, алчущее Бога, ищущее, жаждущее, ждущее близости. Не найдётся слов для объ-яснения, про-явления несказанного смысла. Слова – удаляют от сути, немощно описываемой ими, от Бога Слова, превышающего всякие слова. Образ, включая в себя – при-общая к себе, во-ображая желанного и дерзновенного, со-образуя с собой – лишь образно... со-образно -про-яснит уверением о возможности приобщения к Первообразу, не обеспечивая и никак не обещая, не гарантируя самого приобщения, об-надёживает и утешает возможностью и опытной достижимостью приобщения к Перво-образу. В принятии или не принятии самой постановки вопроса о достижимости этого свидетельства о Боге через образ Его – словно бы некий краеугольный камень полемики, буквально – войны торжествующего православия и противящегося этому торжеству рас-церковляющегося, высвобождающегося от уз Христовых апостасийного мира, прогрессирующего в удалении от Бога "тёмного запада естества нашего". Это и есть краеугольный камень, водораздельный хребет смыслов, почти уж онтологическое различие паламизма и учения Варлаама – скептика, учения православной церкви, продолжающей и творчески развивающей в себе паламизм – позитивное учение о нетварных энергиях Бога, проникающих в человека, как во вмещающий сосуд. Учение о человеке, как сосуде приемлющем, способном по своей природе - понести в себе вмещаемого Бога. И противо-стоящее учение, теория, практика, формирующие мировоззрение и образ личного бытия, существования и опыт хождения

пред Боргом – скептицизм, всё более отстраняющийся от существа Богосвещения... внешнее к Богообщению – учение, рассматривающее Богопрятие, Богосвещение – как некий художественный изыск, эстетическую концепцию – дерзновение не по разуму падшему. Учение, возвеличивающее отстранённых от Бога, созерцающий человеческий разум, чуть ли не равновеликий своему Творцу... известная гордость падения умных сил первого дня творения... холодная и мерцающая самодостаточностью вне Творца гордость люцеферова. При этом сама падшесть возводится в непререкаемый и неизбывный абсолютизм, бытийствующий вне стяжание "ума Христова". Представляется, разумно... но и Богопротивно – смотреть на образ, как на явление эстетическое, художественное - извне, изводя взаимно-отношения с образом из пространства желанного Богообщения в теснины личных чувственных и мысленных удовольствий, внешних периферийных колебаний душевный сибаритствующих струн, не допуская сердечной близости с ним, устраняясь даже и помысла о сущностном со-участии, о на-сущном со-бытии с Богом, о-посредованным через Его образ. Разумно и обще-принято не допускать за научными исследованиями – личного следования по деятельному пути, начертанному, со-провождённому образом, о-значенному святым Григорием Паламой. Если так, образы столпников – всего лишь культурный феномен или символ сугубо художественный, понимаемый не религиозно, без связанности с Богом, - символ, отнюдь не духоводствующий, не тайноводящий... утративший собственно символизм, путеводность, выхолощенный до свойств зеркальности, отражающей и только угнетающей нас, унылых. Если не тайноводителем нами в таком предельном откровении образ, то непременно – гнетёт упорствующего, угнетает уныло - отъединённого. Тогда символ перед нами – есть лишь повесть о нас самих, озаряющая нас нашим же, от-ражённым от него светом... Вот уж воистину тогда полнозвучно осознаём евангельское речение: свет в очах ваших – не есть ли тьма... тьма люцеферова света. В объятии этой собственной тьмой думается... помышляется... и бытийствуется так, словно за мембраной образа – нет противоположной, открывающейся нам стороны иной – Божественной сущности, лучающейся, сквозящей сквозь символ и возводящей через этот символ к Себе. Эта сверх-благочестивая настороженность уже сродни недо-верию, либо само-утешительному безразличию, пред-осудительной тепло-хладности, не горделивым ли возношением и отдалением, само-заклещением, прикрывающимся – боязнию и лицемерным оправданием недостойностью - предать себя в руки Господни, боязни того, что руки эти могут оказаться нашими же руками, либо руко-водителя неизведанного и злого, ведущего в погибель. Пожалуй, более всего недо-верия в этой настороженности. Если же мы на стороне святого Григория, на стороне торжествующего православия, в лоне воспринятого церковного учения, почитающего икону, как путь, как мост в невидимое – мы, по меньшей мере, разделяем иную точку – зрения, допускающую воспринимать икону, как пробуждающий и побуждающий, путеводящий... лично к нам - зов. Мы сердечно, внутренне, сокровенно от внешнего, отнюдь не фантазийно, не эстетски, не отвлечённо-рассудочно – прилежим сами к открывающемуся через этот образ – Первообразу, прилежим своею о-смирененной, усмиряемой жаждой, желанием прильнуть к зову, открывающемуся перед нами, в-зывающему нас и ждущему нас - пути к Богу нашему, ко Творцу, ко Христу – Спасителю... прильнуть к образу, как пути исправленному, по которому и Сам Господь следует к нам. Прильнуть... и вос-шествовать путём этим... возопим ли «камо грядеши», встретившись однажды – веруем сему и чаем встречи, ободренные видимым, оче-видным, из-ображённым перед нами и из-ображающемся... изображающе Себя в нас.

Мы не безнадёжные и недостойные – причащаемся Божества, насыщаемся Божеством, приносим к Нему и Бог – Сам - про-никает в нас, обретает и при-соединяет нас. Безусловно, насыщаясь Им, и в о-Боженности причащения, мы не становимся Богами по естеству, - не впадём в эту ересь. Но воспринимаем Бога по Его преизбытку, по милостиво изливающейся Его Любви, деятельной энергии, которую учёные мистики – Бого-слова именуют энергией нетварного света. Именно так – усыновляемся и о-Боживаемся по благо-дате Господней. Божество – исходит из Божественной сущности неизмеримым преизбытком, Бог не вмещается в саму Свою непознаваемую сущность Божества, не может быть ограничен Своей Собственной - иной для нас природой... превосходит Сам Себя не во-образимым Божественным существом, Бог превышает свою сущность, имея пре-из-быток, сверх-бытие, изливающееся в наш тварный мир и - насыщает нас. Вся великая христианская традиция стяжания Духа Святаго истекает из уверения апостола Петра о том, что нам – возможно быть причастниками Бога. Нам –грешным - возможно стать причастниками Божественной природы, причастниками по благодати, по избытку Божьей милости – в дальнейшем трактуют Богословы. Не по нашему желанию, но произволению Божьему, по избыточности благодати. Много высказано в тираде этой не по личному разумению... скорее по личному неразумию – бряцали кимвалами слова, выпущенные на волю... Отнюдь не от опыта личной аскезы, но, утешаемся и оправываемся, - от опытного голоса святых свидетелей о произошедшем лично с ними... И пустотою бряцают наши слова, не наподненные живым опытом... лишь пересказывая свидетельства святых свидетелей – допущены нами... и да не станем же, высказавшись так, унывать теперь, пребывая перед образом торжествующе - откровенным, пробуждающим нас и зовущим.